

DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00101

А.В. Филатов (Москва)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С.М. ГОРОДЕЦКОГО И Н.С. ГУМИЛЕВА В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ АКМЕИЗМА
*(на материале журнально-газетной публицистики 1908–1910 гг.)**

Аннотация. В статье исследуется формирование литературных отношений С.М. Городецкого и Н.С. Гумилева в символистский период их деятельности. По мнению автора статьи, изучение ранней журнально-газетной публицистики двух поэтов является важным источником для определения причин создания «Цеха поэтов» и акмеизма как литературного союза, удивлявшего многих современников. На материале критических статей и корреспонденции двух поэтов демонстрируется, что они внимательно следили за творчеством друг друга, а также стремились укрепить взаимные литературные связи. Городецкий откликнулся рецензией на выход книги стихов «Романтические цветы» (1908), а также пригласил ее автора участвовать в альманахе «Кружок молодых». В свою очередь Гумилев не только принял предложение коллеги, но и собирался поддерживать сотрудничество с ним, издавая литературный журнал «Остров». Критикуя Гумилева за ученичество у Брюсова, Городецкий все же находит положительные моменты в его поэзии, отмечая точность и физиологичность его образов. Так же поступает и Гумилев, упрекающий оппонента в пренебрежении к художественной форме, но подчеркивающий жизнеутверждающую силу его поэзии и внимание к земной реальности. Несмотря на критическое отношение Городецкого к эстетической платформе журнала «Аполлон», усиление формализма, противником которого был поэт-мифотворец, воспринималось им как необходимый этап на пути к новому искусству. Это позволяет прийти к выводу, что лидеры акмеизма сознательно стремились синтезировать в новом поэтическом течении противоположные черты собственного творчества, развивая идеи, сформулированные Городецким еще в 1909 г.

Ключевые слова: С.М. Городецкий; Н.С. Гумилев; В.И. Иванов; В.Я. Брюсов; символизм; акмеизм; мифотворчество; формотворчество; литературная критика; публицистика.

---

* Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003).

A.V. Filatov (Moscow)

Literary Relations between S.M. Gorodetsky and N.S. Gumilev in the Aspect of Acmeism Formation (based on the Material of Magazine and Newspaper Journalism of 1908–1910)**

Abstract. The article examines the formation of literary relations between S.M. Gorodetsky and N.S. Gumilev in the symbolist period of their activity. According to the author of the article, the study of early magazine and newspaper journalism of the two poets is an important source for determining the reasons for the foundation of the "Guild of Poets" and Acmeism as a literary union that surprised many contemporaries. The material of critical articles and correspondence of the two poets demonstrates that they closely followed each other's work, and also sought to strengthen mutual literary ties. Gorodetsky responded with a review of Gumilev's book of poems "Romantic flowers" (1908), and invited its author to participate in the almanac "Circle of the Young People". In turn, Gumilev not only accepted the offer of his colleague, but also intended to maintain cooperation with him, publishing a literary magazine "The Island". Criticizing Gumilev for his apprenticeship with V. Bryusov, Gorodetsky still finds positive aspects in his poetry, noting the accuracy and physiology of his images. So does Gumilev, who reproaches his opponent for neglecting the artistic form, but emphasizes the life-affirming power of his poetry and attention to earthly reality. Despite Gorodetsky's critical attitude to the aesthetic platform of the literary magazine "Apollo", the strengthening of formalism, which was opposed by the poet-mythmaker, was perceived by him as a necessary stage on the way to a new art. This allows us to conclude that the leaders of Acmeism consciously sought to synthesize in the new poetic movement the opposite features of their own creativity, developing the ideas formulated by Gorodetsky in 1909.

Key words: S.M. Gorodetsky; N.S. Gumilev; V.I. Ivanov; V.Ya. Bryusov; symbolism; acmeism; myth-making; form-making; literary criticism; journalism.

Акмеистический период литературной деятельности С.М. Городецкого оказался непродолжительным и не столь ярким, как аналогичный период в творчестве Н.С. Гумилева, однако в истории русской литературы имена обоих поэтов оказались неразрывно связаны с возникновением нового поэтического течения, оказавшего большое влияние на отечественную литературу XX столетия [Фетисова 2016]. Тем не менее принято считать, что роль Городецкого в истории становления акмеизма была незначительной, и поэт, который являлся мэтром новой школы и наравне с Гумилевым стоял у ее истоков, объявляется в ней случайной фигурой. Уже А.А. Блок полагал, что акмеисты «Городецкого держат как застрельщика с именем» [Блок 1963, 232]. Н.Я. Мандельштам в своих мемуарах называет его «лишним акмеистом» [Мандельштам 1990, 31–38], подтверждая мысль Блока, а Г.В. Иванов вспоминает, что союз двух поэтов «в сущности, был совер-

** The work was done at A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 20-18-00003).

шенно неестественный. <…> Ни стихов Городецкого, ни его статей никто, даже самый неопытный из нас, не принимал всерьез» [Иванов 1994, 224]. Даже в случае противоположных оценок других представителей новой школы отношение к Городецкому оставалось неизменным. Так, если Н.В. Недоброво, по словам А.А. Ахматовой, утверждал, что «акмеизм – это личные черты творчества Николая Степановича» [Лукницкая 1990, 142], а сама она не менее категорично заявляла, что «весь акмеизм рос от его (Гумилева. – А.Ф.) наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама» [Ахматова 2001, 101], то оба единодушно отказывали Городецкому в звании поэта-акмеиста.

История акмеизма показала справедливость подобных оценок, однако роль Городецкого как теоретика новой школы до сих пор остается недостаточно изученной. И если акмеистический период его творчества уже становился предметом исследований [см.: Лекманов 2000; Щербакова 2013, 102–176], то меньше внимания уделялось рассмотрению литературного и публицистического творчества Городецкого-символиста в аспекте его влияния на формирование акмеизма. В то же время логично предположить, что истоки взаимоотношений двух вождей акмеизма следует искать не только в их поэзии, но в критико-литературной деятельности.

По мнению Р.Д. Тименчика, поводом к сближению Городецкого и Гумилева стала существовавшая у последнего «потребность в объединении единомышленников и в обновляющих жизнь знакомствах, тяга к сверстникам, изжившим и “преодолевшим” символистскую инерцию» [Неизвестные письма… 1987, 51]. Однако с той же уверенностью можно заявить, что подобная потребность была и у Городецкого, часто менявшего свои литературные позиции. При этом молодые литераторы не могли не осознавать всей странности своего союза: ученик В.Я. Брюсова, почитающий поэтов-парнасцев и успевший пожить в Париже, и последователь В.И. Иванова, изучавший русский фольклор в Псковской губернии и пытающийся возродить в своих стихах языческую старину, действительно имели мало общего.

До личного знакомства литературная деятельность несколько раз «сталкивала» двух поэтов на страницах периодических изданий. Так, подборками их стихотворений открывался № 6 «Весов» за 1906 г. и № 20-21 киевского журнала «В мире искусства» за 1909 г., причем в последнем случае тексты обоих авторов («Я долго шел по коридорам…» Гумилева и «Серая» Городецкого) были помещены на одной странице. Однако изначально отношение Гумилева к автору «Яри» не было сочувственным, что следует из его парижского письма В.Я. Брюсову от 10 февраля 1908 г. В нем мэтр символизма как истинный художник противопоставляется Городецкому, предстающему в образе «мелкого гения», посредственного поэта-графомана:

В самом деле, мы (т.е. русские читатели) получаем Блока и Городецкого по нескольку книг в год, а Вас – раз в три <года> и даже больше. Но я, конечно, не

говорю здесь о распространении книг для поддержания или увеличения Вашей славы, надеюсь Вы меня не заподозрите в этом, нет, но просто для современного читателя важно быть au courant (в курсе. – А.Ф.) Вашего творчества. Тогда бы и русская литература очистилась от мелких гениев, которых приходится хвалить за неимением лучшего, и Георгий Чулков бросил бы перо к великой радости г. Андрея Белого, и Городецкий подумал бы, что теперь писать левой ногой стало както неловко. И я бы поучился [Гумилев 1998–2007, VIII, 101].

Впрочем, здесь молодой Гумилев, редко позволявший себе открыто спорить с учителем, только повторяет мнение Брюсова, низко оценившего книгу Городецкого «Перун» (1907): «Вместо того, чтобы работать над художественной формой, г. Городецкий, по-видимому, думает завоевать ее наскоком, но только разбивает себе лоб. <…> Серьезный труд, серьезное отношение к великому делу искусства он, кажется, заменил легким наездничеством в области стихотворства. Путь, которым он идет, – путь худшей гибели» [Брюсов 1907, 52–53].

Вернувшись в Россию, Гумилев заводит новые литературные знакомства. В письме от 27 ноября 1908 г., кратко сообщая Брюсову, что он был «вчера на “среде” у Вячеслава Ивановича», молодой поэт не без гордости пишет: «Я окончательно пошел в ход. Приглашен в три альманаха: “Акрополь” С. Маковского <…>, в “Семнадцать” – альманах “Кошкодавов”, и в альманах Городецкого “Кружок Молодых”. В каждый я дал по циклу стихотворений» [Гумилев 1998–2007, VIII, 123]. Судя по всему, последнее предложение автор письма, накануне впервые побывавший на знаменитой «башне», мог получить непосредственно от самого Городецкого, который также присутствовал в тот вечер на ивановской «среде» [Переписка с Н.С. Гумилевым… 1993, 486]. Известно, что организацией и сбором материалов альманаха, так и не увидевшего свет, он занимался самостоятельно [Гумилев 1998–2007, VIII, 395–396].

Если верить воспоминаниям С.А. Ауслендера, который и привел будущего акмеиста к Иванову, в первое же посещение «башни» «Гумилев читал стихи и имел успех. Стихи действительно были хорошие. Вяч. Иванов по своему обычаю превозносил их» [Переписка с Н.С. Гумилевым… 1993, 486]. В тот же день перед слушателями выступил и Городецкий, что зафиксировано в записке В.К. Шварсалон («Читалось: “Сны” Ремизова, стихи Блока (“Степи”), стихи Городецкого» [Переписка с Н.С. Гумилевым… 1993, 486]). К сожалению, нам неизвестно, какие именно тексты были прочитаны, однако факт этих выступлений дает право предполагать, что знакомство двух поэтов состоялось именно в тот день. Ученик Брюсова в то время активно стремился обзавестись новыми литературными связями, а Городецкий уже проявлял интерес к его творчеству, поскольку выпустил двумя месяцами ранее рецензию на «Романтические цветы» (1908). Отметив в ней, что Гумилев стоит «ближе к академической поэзии, но дальше от питающей поэта человеческой массы», Городецкий упрекнул поэта в частом обращении к тематике «блуда», объясняя это «литературным пре-

емством от одного из главных наших декадентов» [Городецкий 1908c, 1], т.е. Брюсова. Однако завершение отзыва было положительным: «Там же, где загорается огонь поэзии, “блуды” исчезают как дым, и чистое отношение к теме вступает во все свои права. Одно из лучших стихотворений описывает физиологическую сторону отравления девушки удивительно точными и чистыми образами, доступными только настоящему художнику (далее цитируется стихотворение «Самоубийство». – А.Ф). <…> Какой ненужной, поверхностной литературой кажутся все “блуды” после этого перла поэзии и как хочется, чтоб Н. Гумилев поскорее сбросил первую кожу» [Городецкий 1908c, 1]. Отметим здесь любопытное акцентирование внимания на точности образа, что станет одним из главных принципов поэтики акмеизма, а также на физиологичности, характерной для представителей левого «крыла» будущего течения (Городецкий, В.И. Нарбут, М.А. Зенкевич).

На наш взгляд, в данной рецензии стратегия Городецкого-критика – тогда еще верного адепта концепции мифотворчества Иванова, с энтузиазмом воспринявшего его статью «Две стихии в современном символизме» (1908), – заключалась в попытке «переманить» на свою сторону молодого ученика Брюсова как последователя «идеалистического» символизма. В публицистике того времени Городецкий выступает с резкой критикой журнала «Весы» и его фактического редактора: «Пророк, а не поэт, В. Брюсов самой судьбой был предназначен хранить, растить и простирать дальше молодое дерево русского символизма. <…> Но “Весы” не захотели оставаться на требуемой высоте. Медленно, но верно, пророк стал превращаться в фокусника» [Городецкий 1908b, 106–107]. В другой статье Городецкий, уже исключенный из числа сотрудников «Весов» (правда, без ведома Брюсова [см.: Переписка с Вячеславом Ивановым… 1976, 512–513]), позволяет себе грубые и даже оскорбительные высказывания: «Журнал культурный, в подписчиках считает двух папуасов и эскимоску, сотрудничают в нем, кроме “своих”, два Ренэ, один Гиль, два Гурмона, и еще всякие лорды и греки. А посмотришь в русский критический отдел – не критика, а политика» [Городецкий 1908a, 69–70]. Темпераментный поэт заявляет, что «главная мелодия» критиков журнала – это восхваление творчества Брюсова, в то время как все остальные авторы на его страницах только порицаются. Защищая К.Д. Бальмонта от нападок молодого критика, Городецкий пишет: «<…> редактор, напечатавший такую циничную глупость про поэта, создавшего мировоззрение для целых поколений, справедливо может быть заподозрен в оркестровке музыкального фона уже упомянутой выше основной мелодии “Весов”» [Городецкий 1908a, 70]. В связи с этим особенно важно отметить тот факт, что негативно относившийся к Брюсову Городецкий находит положительные моменты в книге стихов его ученика, что не могло не быть замечено молодым поэтом, внимательно следившим за печатными откликами на свое творчество (ср.: «Пока обо мне написали в 6-ти изданьях и, кажется, напишут еще в трех» [Гумилев 1998–2007, VIII, 123]).

Посещение Гумилевым «башни» и дальнейшее сближение с Ивановым, несмотря на предостережения учителя (ср. его уверения в письме Брюсову: «<…> в дионисианскую ересь не совратился. Ни на каких редакционных или иных собраньях, относительно которых Вы меня предостерегали, не бывал» [Гумилев 1998–2007, VIII, 131]), а также согласие сотрудничать с Городецким, на наш взгляд, говорят о его сознательном интересе к «реалистическим» символистам и начавшейся переоценке их творческих установок, поэтому в каком-то смысле стратегию Городецкого можно назвать успешной. Более того, некоторые косвенные факты подтверждают, что в то время Гумилев стремился укрепить дружеские отношения с Городецким. Видимо, именно ему принадлежит инициатива включить старшего коллегу в число сотрудников поэтического журнала «Остров», замысел которого окончательно сложился у Гумилева, П.П. Потемкина и А.Н. Толстого в марте 1909 г. [подробнее см.: Переписка с Н.С. Гумилевым… 1993, 491–492; Второй номер… 1994, 317–326]. Первый номер журнала, вышедший в мае, сопровождался конъектурной наклейкой, которая «объявляла адресом редакции царскосельский адрес Гумилева, а также что в состав сотрудников вошли С. Городецкий и Е. Дмитриева» [Неизвестные письма… 1987, 60]. На то, что автором этого объявления был Гумилев, указывает не только его адрес, но и письмо Потемкина, который еще в марте уверял участвовавшего в журнале М.А. Кузмина, что «Городецкого, само собой разумеется, в участниках дела не будет. Гумилев поговаривает о том, чтобы пригласить его потом на гастроли, но я против» [Неизвестные письма… 1987, 60]. Тот факт, что Городецкий хоть и с опозданием, но все же был указан в числе сотрудников журнала, говорит о твердом намерении Гумилева поддерживать с ним связь, даже несмотря на появившиеся разногласия с соратниками. Судя по всему, сам Городецкий понял это и оценил такой жест. По крайней мере, именно ему Тименчик [Переписка с Н.С. Гумилевым… 1993, 492] вполне обоснованно атрибутирует неподписанный и в целом негативный отзыв на первый номер «Острова», опубликованный в «Золотом руне»: «Составлен номер вяло. Волошин, Потемкин и Толстой представлены неудачно. Потемкин жеманничает в своих “газелях”. Строки Толстого как-то неряшливы и по-дурному примитивны. <…> Волошин облечен по обыкновению в топазы, аметисты и смарагды» [Хроника 1909, 78]. На этом фоне в отзыве весьма неожиданна похвала менее известного и опытного поэта: «Лучше их Гумилев и его “Царица”, которая, несмотря на обычные для учеников Брюсова изобилие географии и истории, и манерность рифм, идет дальше версификации» [Хроника 1909, 78]. Следует обратить внимание на сходство этого вывода с процитированным выше фрагментом из рецензии на «Романтические цветы», что также косвенно свидетельствует о возможном авторстве Городецкого.

Тем не менее сближение между поэтами, наметившееся в начале 1909 г., к концу его сменилось взаимными упреками в критике. Рецензируя новую книгу стихов Городецкого «Русь» (1909), Гумилев заявляет, что, «спеша подбирать слова к все нарастающей и нарастающей мелодии, ав-

тор не успел ни взвесить их, ни расценить, ни даже выбрать подходящие. Ни о стильности, ни об интересности построений или технической утонченности тут не может быть и речи. Городецкий забыл все, что он когда-либо знал, или должен был знать как поэт. Книга названа Русью, но России здесь нет, – есть только легкие ноги, фуражки набекрень и улыбающиеся красные губы» [Гумилев 1998–2007, VII, 34–36]. Справедливости ради укажем, что «Русь» в целом получила довольно низкую оценку в литературных кругах, близких Городецкому, и это обстоятельство переживалось им очень тяжело (ср. его письмо отозвавшемуся на книгу стихов Блоку: «Действительно, в рецензии по внешности все прилично. Но внутренне она скверна передо мной. Говоря образно, ты налагаешь в ней на меня бархатную лапу декадентизма, из-под которой я давно вылез. <…> За что надо, поругал, а за что надо хвалить свыше меры, промолчал. Уж такой ты критик» [Переписка с Городецкими 1981, 42]). Можно заметить, что главные упреки Гумилева обращены к формальной стороне стиха и прямо перекликаются с оценкой Брюсова, авторитет которого все еще остается для него непререкаемым. В то же время свою рецензию Гумилев, словно вторя стилю отзывов Городецкого, неожиданно завершает оптимистичным выводом, который ввиду его завуалированности легко не заметить: «Имеет ли это какое-нибудь отношение к литературе, я не знаю, но к поэзии, мне кажется, имеет» [Гумилев 1998–2007, VII, 36]. Учитывая тот высокий статус, который имела для Гумилева «поэзия» по сравнению с «литературой» (ср. его упрек В.А. Пясту, сделанный приблизительно в то же время: «<…> чтобы получилось стихотворение, он присочиняет к строкам вдохновенным строки искусно сделанные, поэзию мешает с литературой» [Гумилев 1998–2007, VII, 41]), становится очевидно его намерение сбалансировать свою оценку книги будущего союзника, сделавшего то же самое по отношению к его «Романтическим цветам». Следует также обратить внимание и на «совершенно неожиданный для Гумилева “импрессионистический” характер» [Гумилев 1998–2007, VII, 300] начала рецензии, представляющую собой отвлеченную пейзажную зарисовку:

В прохладное весеннее утро хорошо идти одному по тропинке, не ожидая никаких встреч. Солнце на траве, на одежде, слегка влажная земля мягко ложится под ноги – и тогда невольно начинаешь петь, приплясывая и притоптывая, поводя плечами и помахивая тростью. Петь, разумеется, без слов, слова не вспоминаются в такое удивительное утро. Это не торжественный гимн созревающей для творчества мысли, как бывало у Шиллера, это непосредственное упоение бытием, и только бытием, – ржанье купающихся коней, стремительный взлет жаворонка и неистовые прыжки разыгравшейся собаки. Такой песней захлебываешься, и от нее больше ничего не надо. Но Сергей Городецкий возымел странную мысль подобрать к ней слова и из получившихся строк составил книгу, назвав ее “Русью”, пятой книгой своих стихов [Гумилев 1998–2007, VII, 34].

На наш взгляд, такое нехарактерное для Гумилева-критика вступление

объясняется тем, что здесь он сознательно ориентируется на публицистический стиль Городецкого. Данный прием несколько раз встречается в его статьях 1909 г., где непосредственный разговор о современной литературе предваряется какой-нибудь аллегорической картиной или историей, помещенной в начало текста: «Есть рисунок. Нагая, строгая и прекрасная женщина бережно подставляет сомкнутые ладони под полную, сверкающую струю животворящей влаги. <…> Художник чужд современных теорий, не читает в книгах и не слушает литературных споров, но интуитивное его перо как нельзя лучше выразило суть *реалистического символизма*» [Городецкий 1909a, 93]; «Смутно и странно начинаю свой литературный доклад. У меня траур… У меня в глазах одна согнутая спина. Одна семья: муж, жена и семеро малолеток. Жена рожала детей, чтоб молоко иметь, и после каждого ребенка ездила в город продавать свое молоко. <…> Смотрите все: эта печальная картина – первое, что я должен высказать теперь. <…> Велик и важен переживаемый теперь литературный момент» [Городецкий 1909, 66]; «Бежал олень из тундры в лес. Зацепился олень рогами за дерево. Выскочил олений дух из оленьей шкурки. <…> Вспоминается эта сказка, когда смотришь на русскую литературную современность» [Городецкий 1909c, 52].

В подобном заимствовании приема можно видеть не только иронию, но и своеобразный жест литературной вежливости, показывающий серьезность подготовки Гумилева к написанию рецензии и то внимание, с которым он следил за творчеством автора «Руси». Другим маркером подобного уважительного отношения можно считать сам факт обращения к новой книге Городецкого, поскольку разбором «Руси» открывается первая статья из гумилевских «Писем о русской поэзии», напечатанная в дебютном номере недавно открывшегося «Аполлона». Более того, вступление статьи оказывается созвучно общему настроению книги Городецкого, заданному уже в открывающем его стихотворении: «Русь! Что больше, и что ярче, / Что сильней, и что смелей! / Где сияет солнце жарче, / Где сиять ему милей? / Поле, поле! Все раздолье, / Вся душа – кипучий ключ <…>» [Городецкий 1910a, 5]. Картину утренней прогулки Гумилев создает, вероятно, варьируя мотивы и образы из стихотворения Городецкого «Весна»:

Я молод, волен, сыт и весел,
В степях иду, в степях пою.
Цветною тканью занавесил
Кибитку зыбкую свою. <…>

Качают кони шатер уютный,
И ветер чешет гривы им. <…>

Житье степное, весна степная!
Иди –люби, люби – иди.

Перед глазами лишь ткань цветная,
Лишь солнце ходит впереди.
[Городецкий 1910 а, 20–21]

При этом Гумилев фокусирует свое внимание на мотивах и образах, связанных с «упоением бытием» (формулировка в рецензии, близкая поэтике будущего акмеизма): солнце, весна, кони, наслаждение пешей прогулкой, пение. Он подчеркивает общечеловеческую жизнеутверждающую направленность книги Городецкого, демонстративно не замечая в ней ни национального колорита, ни фольклорных или религиозных мотивов и тем самым как бы показывая поэту наиболее сильные стороны его таланта, которые, как окажется, и будут востребованы в программе акмеизма.

И все же общий тон рецензии Гумилева, по-видимому, был встречен Городецким негативно. Появление журнала «Аполлон» вообще было воспринято им как свидетельство упадка символистского искусства и усиления линии Брюсова, что нашло отражение в его публицистических выступлениях. В них Городецкий усложняет ивановскую дихотомию символистских течений, добавляя к идолотворчеству и мифотворчеству (т.е. идеалистическому и реалистическому символизму) формотворчество, представители которого оказываются даже более опасными врагами искусства, чем декаденты, поскольку их произведения полностью лишены идейного содержания: «Брюсов даже не учитель им, а просто первый по времени. Он слаб перед ними. У него хоть снисходительность есть к содержанию. Они же беспощадны <…>» [Городецкий 1909c, 54]. Основным объектом критики Городецкого оказались сотрудники нового журнала, в первую очередь С.К. Маковский, М.А. Волошин и И.Ф. Анненский. Поэт добавляет, что «к этой триаде как нельзя более подошли Гумилев и Кузмин. Что оруженосец Брюсова стал в первых рядах формализма, это удивить не может» [Городецкий 1909c, 56]. В том же критическом ключе и в той же связке с именем учителя будущий соратник по акмеизму упоминается год спустя в статье «Да, против течения!» (1910): «Уже у Брюсова можно найти целые десятки стихотворений, имеющих значение только формальных упражнений. У Гумилева единицами считаются стихотворения, имеющие какое-нибудь содержание. У какого-нибудь Эренберга или любого из крестников “Аполлона” содержание вытравлено совершенно, и все сведено к рифмам и ямбам» [Городецкий 1910b, 2]. О крайнем неприятии поэзии «формотворцев», включая творчество Гумилева, свидетельствует и раздраженное письмо Городецкого к Иванову, который сотрудничал с «Аполлоном» и благоприятно воспринял гумилевские «Жемчуга» (1910): «Теперь я вижу, что Вы заключили постыдный компромисс с отбросами декадентства, поставившими себе задачи, совершенно противоположные Вашим, посильные им, но недостойные Вас. Задачи эти заключаются в насаждении голого формализма в русском искусстве, прикрывающего внешней якобы красотой пошлость и бездарность» [Неизвестные письма… 1987, 64].

На первый взгляд, эти факты свидетельствуют в пользу случайности будущего союза двух поэтов. Но здесь стоит иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, критика Городецкого обращена ко всему направлению, представленному журналом «Аполлон», а не лично к Гумилеву. Во-вторых, нападая на усиливших свой позиции формалистов, поэт параллельно фиксирует и кризис мифотворчества, которому, по его мысли, остался верен только Иванов, в то время как сам он постепенно отходит от ивановской теории. Как признается Городецкий, ему «уже неймется в тисках альтернативы быть передатчиком или лепить куколки, и хочется какого-то *автотворчества* (курсив наш. – А.Ф.), что во всяком случае ересь очевидная» [Городецкий 1909c, 53]. Поэт отказывается идти по пути старших символистов, но и позиция младосимволистского поэта-пророка, посредника между реальным и реальнейшим, его тоже не устраивает. Городецкий обнаруживает у себя стремление выйти за рамки существующих течений символизма, хотя и признается, что это расходится с его программными убеждениями. Однако именно акмеизм и станет подобным автотворчеством, или, по определению О. Ронена, «союзом индивидуальных поэтических стилей» [Ронен 2008, 217]. Эту сторону нового течения будет подчеркивать и сам Городецкий в своем манифесте: «Резко очерченные индивидуальности представляются Цеху большой ценностью» [Городецкий 1913, 48].

Критикуя «аполлоническую» тенденцию в современном искусстве, Городецкий указывает и на недостатки «дионисийской» концепции Иванова: «Слишком скоро перевесила в нем религиозная сторона. Разнообразная, воспринимающая деятельность поэта сузилась до роли связки, соединительного канала. Эпическую сторону перевесила драматическая, и притом узко-драматическая: символ стал обрядом, миф – теургией» [Городецкий 1909c, 54]. И если отказ от попыток «познать непознаваемое» станет одним из тезисов гумилевской программы акмеизма, то стремление к усилению эпического начала было характерной чертой творчества обоих поэтов уже в символистский период. Это отмечали и критики: «Иногда кажется, что г. Гумилев больше эпик, чем лирик» [Гофман 2000, 350]; «Романтически-мечтательный период ученичества Н. Гумилева характеризуется решительным преобладанием в его поэзии эпического элемента над лирическим» [Иванов 2000, 365]; «Городецкий в совершенстве владеет эпическим складом» [Соловьев 1907, 88]. Оба поэта сознательно культивировали лиро-эпическую природу своей поэзии. Для Городецкого движение к эпосу было логичным следствием движения к мифу, поэтому он считал, что «субъективный и психологический принцип <…> преграждает доступ в область эпоса и ограничивает эпический элемент в идеалистическом символизме» [Городецкий 1909a, 95]. Гумилев же признавался Брюсову после выхода «Жемчугов»: «Мне верится, что можно еще многое сделать, не бросая лиро-эпического метода, но только перейдя от тем личных к темам общечеловеческим <…>» [Гумилев 1998–2007, VIII, 147].

Завершая свою статью о формотворчестве, Городецкий размышляет о

ближайшем будущем русской литературы: «Быть может, мы сейчас во второй стадии процесса, где теза – мифотворчество, антитеза – формализм. И кто знает, какое сильное смыслом и внятное видом искусство может вырасти, как синтез этих двух явлений» [Городецкий 1909c, 58]. По сути, в этом выводе передан основной импульс, приведший к основанию акмеизма как синтетического течения. Городецкий подчеркивал это и в поздней статье 1919 г.: «Когда мы с Гумилевым, после ряда бесед, решили основать Цех поэтов, нами руководила идея именно совмещения влияний» [Неизвестные письма… 1987, 71]. Как раз в желании подчеркнуть синтетический характер нового течения следует искать причины одновременного появления двух манифестов и двух названий – акмеизм и адамизм. Необходимо отметить, что идея синтеза привлекала Городецкого и раньше в связи с идеалистическим и реалистическим символизмом: «Особенно интересны те случаи, где обе стихии находятся в энергичной борьбе, не существуют, а ратоборствуют. Такие случаи мы имеем в настоящее время в Андрее Белом и Александре Блоке. Оба эти поэта приближаются к расцвету своих действительностей <…>» [Городецкий 1909a, 96]. Возможно, наступление периода «акме» у названных поэтов связывалось автором статьи именно с взаимодействием двух стихий в их творчестве.

Таким образом, нападки на Гумилева в статьях 1908–1910 гг. приобретают у Городецкого амбивалентный характер: будучи мифотворцем, он не разделяет его формотворческих установок, но, преодолевая мифотворчество и разочаровываясь в идеях Иванова, осознает историческую необходимость и «этапность» обеих эстетических платформ. Гумилев воспринимается им как носитель противоположных взглядов, которые являются столь же необходимым компонентом для создания нового искусства, как и взгляды самого Городецкого. В свою очередь, критик «Аполлона» признает поэтическую ценность стихов автора «Руси», несмотря на отсутствие в них технической утонченности, и подчеркивает жизнеутверждающий пафос его книги, обращение к земному миру, что станет смысловым ядром акмеизма. В итоге можно утверждать, что «странность» будущего союза двух поэтов была не только сознательной, но и программной, поскольку в нем объединялось наследие двух ведущих течений символизма, достигался паритет между формой и содержанием, европейским и русским, общечеловеческим и национальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 2001.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963.
3. Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 10. С. 45–53.
4. Второй номер журнала «Остров». Публ. А.Г. Терехина // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 317–326.
5. (a) Городецкий С. Глухое время // Золотое руно. 1908. № 6. С. 69–70.
6. (b) Городецкий С. Аминь // Золотое руно. 1908. № 7–9. С. 105–107.

7. (c) Городецкий С. Молодняк // Утро. 1908. № 18. 29 сентября. С. 1–2.

8. (a) Городецкий С. Идолотворчество // Золотое руно. 1909. № 1. С. 93–101.

9. (b) Городецкий С. Ближайшая задача русской литературы // Золотое руно. 1909. № 4. С. 66–81.

10. (c) Городецкий С. Формотворчество // Золотое руно. 1909. № 10. С. 52–58.

11. (a) Городецкий С. Русь. Песни и думы. М., 1910.

12. (b) Городецкий С. Да, против течения! // Против течения. 1910. № 5. 12 ноября. С. 2.

13. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 46–50.

14. Гофман В.В. Н. Гумилев. Романтические цветы // Н.С. Гумилев: Pro et Contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 350.

15. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1998–2007.

16. Иванов В.И. Жемчуга Н. Гумилева // Н.С. Гумилев: Pro et Contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 362–366.

17. Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М., 1994.

18. Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.

19. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.

20. Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990.

21. Неизвестные письма Н.С. Гумилева (Публикация Р.Д. Тименчика) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 50–78.

22. Переписка с А.А. и С.М. Городецкими / Вступ. ст. и публ. В.П. Енишерлова, коммент. В.П. Енишерлова и Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 5–62.

23. Переписка с Вячеславом Ивановым 1903–1923 / Пред. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 428–545.

24. Переписка с Н.С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. статья и коммент. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова; публ. Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1993. С. 400–514.

25. Ронен О. Акмеизм // Звезда. 2008. № 7. С. 217–225.

26. Соловьев С. Сергей Городецкий. «Ярь» // Золотое руно. 1907. № 2. С. 88–89.

27. Фетисова Е.Э. Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века. М., 2016.

28. Хроника // Золотое руно. 1909. № 6. С. 77–80.

29. Щербакова Т.В. Поэзия С.М. Городецкого (1906–1918): дис. … канд. филол. наук. 10.01.01. М., 2013.

REFERENCES
(Articles from Scientific Journals)

1. Ronen O. Akmeizm [Acmeism]. *Zvezda*, 2008, no. 7, pp. 217–225. (In Russian).

2. Timenchik R.D. (publ., comments). Neizvestnyye pis'ma N.S. Gumileva [Unknown letters of N.S. Gumilev]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1987, vol. 46, no. 1, pp. 50–78. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Enisherlov V.P. (pref., publ, comments), Timenchik R.D. (comments). Perepiska s A.A. i S.M. Gorodetskimi [Correspondence with A.A. Gorodetskaya and S.M. Gorodetsky]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 92: in 5 books. Book 2. Moscow, 1981, pp. 5–62. (In Russian).

4. Grechishkin S.S., Kotrelev N.V., Lavrov A.V. (pref., publ.). Perepiska s Vyacheslavom Ivanovym 1903–1923 [Correspondence with Vyacheslav Ivanov 1903–1923]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 85. Moscow, 1976, pp. 428–545. (In Russian).

5. Hoffman V.V. N. Gumilev. "Romanticheskiye tsvety" ["Romantic Flowers" by N. Gumilev]. *N.S. Gumilev: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolaya Gumileva v otsenke russkikh mysliteley I issledovateley* [N.S. Gumilev: Pro et Contra. Personality and Creativity of Nikolay Gumilev in the Eyes of Russian Thinkers and Researchers]. St. Petersburg, 2000, p. 350. (In Russian).

6. Ivanov V.I. "Zhemchuga" N. Gumileva ["The Pearls" by N. Gumilev]. *N.S. Gumilev: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolaya Gumileva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley* [N.S. Gumilev: Pro et Contra. Personality and Creativity of Nikolay Gumilev in the Eyes of Russian Thinkers and Researchers]. St. Petersburg, 2000, pp. 362–366. (In Russian).

7. Terekhin A.G. (pref., publ.). Vtoroy nomer zhurnala "Ostrov" [The Second Issue of the Magazine "The Island"]. *Nikolay Gumilev. Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [Nikolay Gumilev. Research and Materials. Bibliography]. St. Petersburg, 1994, pp. 317–326. (In Russian).

8. Timenchik R.D., Shcherbakov R.L. (pref., publ., comments). Perepiska s N.S. Gumilevym (1906–1920) [Correspondence with N.S. Gumilev (1906–1920)]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 98: in 2 books. Book 2. Moscow, 1993, pp. 400–514. (In Russian).

(Monographs)

9. Fetisova E.E. *Neoakmeizm kak sistema programmnykh i latentnykh techeniy XX veka* [Neoacmeism as a System of Program and Latent Literary Trends of the 20th Century]. Moscow, 2016. (In Russian).

10. Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme i drugiye raboty* [The Book on Acmeism and Other Works]. Tomsk, 2000. (In Russian).

11. Luknitskaya V. *Nikolay Gumilev: Zhizn' poeta po materialam domashnego*

arkhiva sem'i Luknitskikh [Nikolai Gumilev: The Poet's Life Based on the Materials of the Luknitsky Family's Home Archive]. Leningrad, 1990. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

12. Shcherbakova T.V. *Poeziya S.M. Gorodetskogo (1906–1918)* [Poetry of S.M. Gorodetsky (1906–1918). PhD Thesis. Moscow, 2013. (In Russian).

Филатов Антон Владимирович, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» ИМЛИ; выпускник аспирантуры кафедры теории литературы филологического факультета МГУ. Научные интересы: теория литературы, русская литература XX в., акмеизм, аксиология, мифопоэтика.

E-mail: avphilatov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6683-9376

Anton V. Filatov, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University.

Researcher at the Research Laboratory "Rossica: Russian Literature in the Context of World Culture", IWL RAS; postgraduate student at the Department of Theory of Literature, Philological Faculty, MSU. Research interests: theory of literature, Russian literature of the 20th century, acmeism, axiology, mythopoetics.

E-mail: avphilatov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6683-9376